

Сюй Лингуан сытно поужинал, выпил пару чашек фруктового вина и, слегка опьянев, уселся под деревом.

Огонь в очаге давно погас. Во дворе горела лишь одна свеча, её пламя дрожало в ночном ветру, а лунный свет, словно вода, мягко ложился на плечи и волосы Сюй Лингуана.

Он задрал голову, глядя на луну, и вдруг ощутил острую, густую тоску одиночества.

Жизнь в стиле «сыт один - сыта вся семья» имела свои плюсы, но в глухой чаще готовить деликатесы и не с кем ими делиться, зарабатывать деньги и не с кем радоваться... Он посмотрел на недоеденные ломтики мяса на столе и невольно вздохнул.

В хмельном тумане он поймал одного фазана, прижал к груди и погладив перья тонкими пальцами, убаюкивающим голосом проговорил:

— Крякни хоть раз.

Фазан недовольно заклокотал, махнул крылом, дав хозяину звонкую пощёчину, и важно спрыгнул на землю, удалившись в свой угол.

Сюй Лингуан: «...»

Он повернулся к ослу. Осёл его проигнорировал. Сюй Лингуан скривил губы, поднялся и, пошатываясь, побрёл в дом:

— Надо бы завести собаку. Заведу собаку ... хоть собака будет отзываться.

Утешив себя этой мыслью, он рухнул на постель и тут же уснул.

Во дворе ещё тлели угли, а луна сияла, словно умытая дождём.

Лань Цзянь прибыл бесшумно. Прямо под ним раскинулся крохотный, до смешного простой дворик. Хозяин, очевидно, не питал ни капли бдительности и крепко спал. Лань Цзянь сначала обошёл двор, но, уловив резкий запах пряного блюда, брезгливо поморщился.

Скрепя сердце он окинул взглядом незамысловатый медный котелок и его содержимое. Хоть подача и отличалась от того, что предлагали ему в столице, Лань Цзянь сразу узнал в нём «огненный котёл».

Когда он недавно бывал в Фэфэне, управляющий «Павильона» угощал его подобным, но он отказался, запах был слишком резким.

И ради этого детёныши так убивались?

Лань Цзянь не понимал. Он взмахнул рукавом, стряхивая с себя посторонние ароматы, и беззаботно шагнул в дом.

Хижина была подметена, но в лесной глуши пыль неизбежна. Брови Лань Цзяня сошлись на переносице. Он наложил простое заклинание, отталкивающее грязь, и лишь тогда с явным неудовольствием переступил порог.

Хозяин дома спал прямо на полу. Даже кровати не было.

Лань Цзянь: «...»

Он осмотрел человека с головы до ног, вспомнив слова Юй Юя: это тот самый беглый культиватор, что забрёл в горы. В прошлый раз он проявил милосердие и оставил ему жизнь, а этот, оказывается, нагл до безобразия, взял и вернулся снова.

Лань Цзянь не славился мягким нравом, и не терпел чужаков на своей территории. В его глазах мелькнула холодная решимость, и он уже приготовился нанести удар.

Но в последний момент его внимание привлекло едва уловимое, знакомое веяние.

Вздвогнув, он поднял руку и не касаясь выудил из-под ворота спящего невзрачную подвеску в форме подковы.

Она висела на простой верёвочке.

Для обычного глаза это был бы лишь кусок камня, но Лань Цзянь узнал его мгновенно.

— «Яшмовое копыто цилиня»?

Этот амулет делали из сброшенной чешуи священного зверя цилиня. В нём сохранялась часть его ауры, а жрецы клана накладывали особое благословение. Его дарили людям, с которыми цилини водили дружбу.

Из-за происхождения и формы его и прозвали «Яшмовым копытом».

Таких амулетов было мало. Если память не подводила, последний был вручён после падения

Небесного Предела, когда умирающий клан цилиней, в благодарность за помощь людей, отдал всё, что оставалось. Но жрецы уже пали, и благословение на этом последнем амулете было слабее прежних.

Глядя на ауру и форму, Лань Цзянь понял, что это именно он.

Он попытался вспомнить. Тот, кто помог цилиням много лет назад, носил фамилию Сюй. Его секта, Цинъюй, располагалась неподалёку от гор Айлао. Тогда цилини просили присмотреть за их благодетелем.

Прошли годы. Клан цилиней всё же канул в небытие, а секта Цинъюй, пережив взлёты и падения, в итоге распалась. Недавно управляющий Чжао упоминал, что её глава умер.

Но амулет вновь появился. И Чжао чётко сказал, что этого человека зовут Сюй.

Неужели снова выжил?

Лицо Лань Цзяня изменилось. Помолчав, он бесшумно отступил и покинул дом.

В памяти всплыл старый друг, Сы Юань, который как-то принёс к нему вино и сказал: «Глава секты Цинъюй оказал мне огромную услугу. Я подарил ему «Яшмовое копыто», но долг ещё не возвращён. Поскольку ваша гора рядом, присмотрите за ним, пожалуйста».

Тогда Лань Цзянь неохотно согласился, лишь потому что Сы Юань принёс своё лучшее, припрятанное вино.

Кто знал, что это будет их последняя совместная чарка.

«Ладно, — решил он. — Если это действительно Сюй, пощажу его ради Сы Юаня. Пока не переходит границы, то пусть живёт».

Выспавшись после хмельного вечера, Сюй Лингуан наутро вскочил бодрым и полным сил.

Он убрал остатки ужина, покормил фазанов и осла, затем с радостным настроением вышел во двор с мотыгой. Пора было закладывать фундамент для пристройки.

Раньше, когда он был нищ и не знал, сколько ему отведено, хватало и этой лачуги. Теперь, с деньгами в кармане, он задумал расширить дом и увеличить огород.

К счастью, участок он выбрал с запасом, так что места хватит с лихвой.

Пока солнце не начало палить, он рубил деревья и рыл траншеи, работая с таким жаром, что вчерашняя меланхолия улетучилась без следа.

Спешить было некуда, поэтому он трудился в своём темпе. Когда солнце достигло зенита, он бросил мотыгу, пошёл домой, освежился в прохладном ручье и заодно прихватил арбуз, что томился в ледяной воде.

Вчерашний котёл ещё не доели, так что на обед он обошёлся остатками. После короткого сна, восстановив силы, он наконец задумался об ужине.

Вспомнив про свежие листья лотоса, купленные на рынке, он решил запечь курицу.

Цыплят замариновал, начинил специями, плотно завернул в отваренные и подсушенные лotosовые листья, обмазал глиной и засунул в тёплую печь томиться на медленном огне.

Молодое мясо идеально подходило для такого блюда, но сами цыплята были некрупные. Сюй Лингуан, прикинув свой аппетит, подготовил трёх.

Засунув облепленных грязью птиц в печь, он снова взял мотыгу и вышел работать.

Лишь только он скрылся, как из кустов высунулись две пушистые мордочки.

Юй Жун нетерпиво протиснулся сквозь щель в заборе, подбежал к печи, склонил голову набок и устался внутри. Ушки на макушке дёргались от нетерпения, лапки уже тянулись внутрь.

Юнь Фэн, вошедшая следом, шлёпнула его по лапе. Она была предусмотрительнее:

— Только что положили. Ещё рано.

Чжао Лин, сидевший у неё на голове, свернулся в красный пушистый комочек и, как эхо, повторил:

— Только что положили. Ещё рано.

Юй Жуну не терпелось, но впервые он не стал спорить.

— Сколько ещё ждать? — Грыза когти, заскулил он.

Юнь Фэн не знала точно, но соображала быстро.

— Иди следи за тем человеком. — скомандовала он — Когда вернётся , то значит, почти готово!

Юй Жун решил, что это логично, и уже побежал исполнять, но через пару шагов остановился. Он вопросительно посмотрел на Юнь Фэн:

— Почему я должен идти?

Юнь Фэн гордо вильнула пушистым хвостом и задрала нос:

— Потому что это моя идея. Значит, ты подчиняешься мне.

Мордочка Юй Жуна смешно сморщилась. Поразмыслив, он понял, что она права, и, неохотно бурча, поплёлся на пост.

Юнь Фэн, проводив его взглядом, важно взобралась на каменную скамью в тени дерева, удобно улеглась и, вылизывая шёрстку Чжао Лину, спокойно заметила:

— Юй Жун такой глупый.

<http://bllate.org/book/15776/1645263>